

ПРОЛОГ

Она стоит в кухне, и на какое-то мгновение у нее перехватывает дыхание.

На часах — начало шестого пополудни. На улице уже стемнело, и хотя она помнит, как тысячи раз прежде стояла на этом месте — спереди раковина, справа стол, а слева дверь в коридор, — что-то изменилось.

Что-то кардинальным образом изменилось.

Воздух тот же, но им стало труднее дышать. Освещение то же, но почему-то слепит глаза и раздражает. Кожа на голове словно натянулась и начинает чесаться, тело потеть. Она ощущает давление одежды на тело, вес рук и то, как кольца сжимают пальцы, а часы — запястье. Она чувствует свое белье, обувь, ожерелье, блузку.

«Вот и все, — думает она. — Меня зовут Кэтрин. Мне сорок девять лет. Вот и все. Черт...»

Она двигается направо. Протягивает руку и касается пальцами прохладного края раковины. Она хватается за нее и медленно поворачивается к двери.

Она гадает, вошел ли он уже в дом.

Она гадает, стоит ли не двигаться с места и ждать или пойти.

Она гадает, чего он от нее ожидает.

Проходит довольно много времени, прежде чем она принимает решение. А приняв, делает первый шаг.

Она пересекает кухню, уверенной и твердой походкой заходит в гостиную, берет с полки DVD-диск и, зажав в руке пульт дистанционного управления, вставляет диск в проигрыватель. Потом нажимает кнопки и ждет, когда появится звук...

Появляется картинка, и она колеблется.

Музыка.

Она делает громче.

Музыка Дмитрия Темкина.

«Эта прекрасная жизнь».

Она вспоминает первый раз, когда смотрела этот фильм. И каждый раз, когда снова смотрела его. Целые отрывки она помнит наизусть, слово в слово. Как будто специально зубрила для сдачи экзамена. Она вспоминает людей, с которыми была, и что они говорили. Вспоминает тех, которые плакали, и тех, которые не проронили ни слезинки. Она вспоминает это сейчас. Хотя думала, что в такой момент будет вспоминать важные вещи.

Черт, возможно, как раз эти вещи и важны.

У нее в груди большое сердце. Сердце размером с кулак? По всей видимости, нет. Не в ее случае. Сердце размером в два кулака и футбольный мяч. Размером...

«Во что? — думает она. — Размером во что конкретно?»

Она смотрит на экран телевизора. Слышит звон колокола, за которым следует легкомысленная мелодия, исполненная на струнных инструментах. Знак, на котором написано «Вы в Бедфорд-Фоллз». Улица аккуратная и чистая, как на открытке. Падает снег...

Кэтрин Шеридан начинает чувствовать. Но не страх, потому что она уже давно пересекла ту грань, когда человек способен бояться. Это нечто, чего нельзя легко определить, — что-то похожее на чувство потери, на ностальгию; что-то вроде гнева и возмущения или обиды, что все должно закончиться вот так.

— Я обязан всем Джорджу Бэйли, — доносится голос из динамиков. — Помогите ему, Господи. Иосиф, Иисус и Мария... помогите моему другу мистеру Бэйли...

Потом женский голос:

— Помогите моему сыну Джорджу сегодня.

Камера отъезжает, взмывает в небо — прочь от дома и дальше в космос.

Все и одновременно ничего. Кэтрин Шеридан видит, как вся ее жизнь разваливается, словно карточный домик. А потом вырисовывается заново, пока каждая ее часть не становится легко различимой.

Она закрывает глаза, снова открывает их и видит, как дети скачут на санках с горки, — сцену, где Джордж спасает Гарри из ледяной воды. Так Джордж подхватил вирус и потерял слух...

До Кэтрин доносится какой-то звук. Она хочет повернуться, но не смеет. В животе холодеет. Ей очень хочется повернуться. Повернуться и взглянуть ему в лицо. Но она понимает, что если поступит так, то это сломает ее: она будет кричать, плакать и умолять, чтобы это

произошло как-нибудь иначе. Слишком поздно, слишком поздно идти на попятную... слишком поздно после всего, что произошло, всего, что они сделали, всего, что они узнали, и что это значило...

«И что мы только вообразили, черт побери? Кем мы себя возомнили? Кто, черт побери, дал нам право делать это? — думает Кэтрин. — Мы дали себе это право. Мы дали себе право, которое дано лишь Богу. Но где же был Он? Где был Господь, черт побери, когда эти люди умирали? И теперь я должна умереть. Умереть вот так. Прямо здесь, у себя дома».

Как пришло, так и ушло.

Так сказал бы Роби: «Как пришло, так и ушло, Кэтрин». А она бы улыбнулась и ответила: «Ты всегда был чертовым буддистом. Ты занимаешься такой работой, столько повидал... И после этого ты считаешь, что можешь рассказывать мне о каких-то глупостях вроде своекорыстия и отсутствия ответственности за поступки? Да пошел ты, Джон Роби... Ты послушай только, что ты говоришь!» А он бы сказал: «Нет... Нет, я никогда не слушаю себя, Кэтрин. Я не смею». И она знала бы наверняка, что он имеет в виду.

Проходит немного времени, и ты больше не смеешь вспоминать о том, что сделала. Ты просто закрываешь глаза, скрежещешь зубами, сжимаешь кулаки и надеешься, что все закончится хорошо.

Так ты поступаешь.

До такого вот момента.

Стоишь в собственной гостиной, на экране Джимми Стюарт, и ты понимаешь, что он стоит у тебя за спиной. Ты знаешь, что он очень близко. Ты представляешь, что он будет делать, поскольку читала об этом в газетах...

Кэтрин смотрит на экран телевизора.

Джордж стоит возле банка.

— Стоп, капитан. Куда путь держишь?

— К папе, дядя Билли.

— В другой раз, Джордж.

— Но это важно.

— Шквал налетел, надвигается шторм.

Кэтрин ощущает, что он стоит у нее за спиной, почти вплотную. Она может прикоснуться к нему, если захочет. Она представляет, что происходит в его душе, в его мыслях, какие чувства его обуревают. А может, и нет.

«Возможно, он крепче, чем я. Намного крепче, чем я полагала».

Она слышит слабый хрип в тот момент, когда он вдыхает воздух. Слышит и понимает, знает, что он чувствует то же, что и она.

Она закрывает глаза.

— Хорошее лицо, — доносится голос из динамиков, — мне нравится. Мне нравится Джордж Бэйли. Скажи мне, он когда-нибудь говорил кому-то о таблетках?

— Ни единой душе.

— Он когда-нибудь был женат? Ходил в поход?

— Ну... Подожди и увидишь...

Кэтрин Шеридан закрывает глаза и сжимает кулаки. Она думает, надо ли сопротивляться. Если бы имело смысл сопротивляться... Если бы хоть что-то имело смысл...

«Боже, я надеюсь, что мы не ошиблись, — думает она. — Надеюсь, что все...»

Она чувствует прикосновение его руки к своему плечу и каменеет. Каждая мышца, каждый нерв и жилка, каждый ее атом натянут, словно струна.

Она подается немного назад и чувствует, как он кладет ладони ей на затылок. Она чувствует силу его рук, когда он их сжимает. Она понимает, что он мобилизовал всю свою волю и выдержку, чтобы решиться на этот шаг. Она понимает, что это причинит ему намного более сильную боль, чем ей.

Кэтрин пытается повернуться. Она осознает, что так просто приближает неизбежный конец. Возможно, именно поэтому она и поворачивается. Она чувствует давление его пальцев, как он смещается вправо, чтобы покрепче схватить ее за горло, как немного отступает, чтобы было удобнее повернуть ее голову влево... На глаза начинают наворачиваться слезы, но она не плачет, это просто произвольная реакция. В груди нарастает напряжение... Легкие начинают испытывать недостаток кислорода... Кружится голова... Веки трепещут, перед глазами пляшут темные пятна...

Из груди рвется крик. Это нечто дикое и мощное. Оно стремится наружу, но замирает в горле.

«Боже! — думает она. — Боже... Боже... Боже...»

Она ощущает вес собственного тела, когда оно начинает оседать на пол, чувствует, как он пытается удержать ее на ногах. Хотя она

знает, что скоро все будет кончено, что-то внутри нее — что-то первобытное, какой-то инстинкт — не перестает бороться за жизнь. Хотя она знает, что теперь это бесполезно...

Перед глазами кроваво-красный туман. Сгустки алого, багряного, розового, бордового и пурпурного...

«Боже...»

Она чувствует вес своей головы, когда та склоняется набок.

Она знает, что, даже если он сейчас остановится, даже если уберет руки и отпустит ее, даже если придет карета скорой помощи и санитары положат ее на носилки, нацепят ей на лицо маску и будут кричать: «Дышите, черт побери, дышите же!» — даже если кислород будет чистым и без примесей, даже если они быстро доедут до Коламбия-хоспитал или университетского медицинского центра... даже если все это произойдет, она все равно не выживет...

В последние секунды она пытается открыть глаза. И видит лицо Джорджа Бэйли, раскрасневшееся от танца, видит, как Мэри смотрит на него. Это один из тех моментов, тех редчайших и ценнейших моментов, какие бывают только у лучших людей, да и то лишь один раз. И если вы не проникнетесь этим моментом, не восхититесь проявлением неожиданной магии, которая захватывает ваше сердце, ваш разум, каждую частицу вашего существа... если этого не случится, то остаток своей жизни вы будете помнить об этом моменте как о том, что вам следовало сделать, единственной вещи, которую вам действительно стоило сделать. Ведь это могло изменить всю вашу дальнейшую жизнь, могло наполнить ее смыслом, чтобы вы подошли к последнему рубежу хоть с чем-то...

А Джимми Стюарт говорит:

— Ну, привет.

Кэтрин Шеридан больше не может сопротивляться. Не хочет. Ее дух сломлен. Все, что имело значение для нее, теперь потеряло всякий смысл. Пускай так. Она чувствует, как соскальзывает на пол, и он отпускает ее.

Она думает: «Я не буду жить дальше и помнить о том, что мы сделали... Спасибо тебе, Боже, за этот маленький подарок».

К тому времени, как он принимается за работу, Кэтрин Шеридан уже мертва.